СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № IX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Н А Ъ З Д Ы.

П о в ѣ с т ь 1613 г о д а .

(Продолженіе.)

Г л а в а III.

„Вотъ ѣдешь онъ — путемъ-дорогою, спороною далскою, и навхаль онъ на распушіе. По срединѣ сполбъ сполнѣ, на сполбъ щинѣ прибнѣ, на щинѣ наднѣ какъ жарь горнѣ. Поѣдешь вправо, будешь конь сынѣ, а самъ голоденѣ; поѣдешь влѣво, будешь самъ сынѣ, а конь голоденѣ; поѣдешь прямо, будунѣ оба сынѣ и оба бнѣ! Иванъ Царевичъ призадумалъ самому постнѣсь, съ силой простишѣсь, а на нощемъ конѣ я горь-богашырѣ: ни бнѣсь, ни драшѣсь, ни рашнѣсь. Поонвѣдаемъ счашѣть на нрешемъ нушѣ; поглядимъ, кто побешѣ менѣ сынаго, на свѣжемъ конѣ, при буланномъ конѣ!“

Свариннал народная сказка.

Наши путники, подѣ завѣсою темной, счастливо пробрались внутрь Людинскаго повѣша. „Вотъ и самъ Людинъ,“ сказалъ Зеленскій Князю Серебряному, который задум-

чиво вхалъ, не обращая ни на что вниманія. Князь взглянулъ на право: денница занималась Лѣнивый пуманъ волнами всплывалъ съ зубчатыхъ стѣнъ замка, сползаго на холмъ, и пихъ лежалъ городокъ у ногъ его. Еще ни одна дверь не чернѣла, ни съ одной трубы не вился дымокъ, и окружный лѣсъ, понемногу разсвѣпая, опрысалъ на пупниковъ холодную росу. Далѣе, къ Рѣжицѣ, спаринному Розипену, виды спановились еще живописнѣе. Холмистый край испещренъ былъ озерками, и надъ стекломъ ихъ бродили махровые пары, и дикія роши и зыбкіе проспники опражались въ неподвижномъ ихъ лонѣ. Поройъ только звучно прыгала изъ воды щука, или нырля дикая ушка; спруи разбѣгались кругами, и, зыблясь, сливались въ зеркало.

Зеленскій вхалъ впереди и удачно поворачивалъ по вправо, по влѣво на пропинки, иногда перерѣзывая лѣсъ для сокращенія дороги напрямкомъ, иногда объѣзжая деревни околицами.

— „Ты славно знаешь всѣ закоулки здѣшніе,“ сказалъ ему Князь: „я не ошибся, полагаюсь на слова твои заранѣ.“

— „Какъ мнѣ не знать этого края: мы цѣлый мѣсяцъ сползи здѣсь съ Гепманомъ Липовскимъ Карломъ Ходкевичемъ, собираясь на Шведовъ, да попомъ и разгромимъ ихъ въ

прахъ, даромъ что ихъ было впроее болѣе. Въ то время я служилъ Ловчимъ у Пана Опалнскаго, и не сходилъ съ сѣдла на полеваньѣ. Звѣрлыгъ опъ насъ было не лучшее жишье, какъ и людямъ, и я волею и неволею долженъ былъ узнашь наизустъ всѣ залчьи спешки и всѣ медвѣльи берлоги.“

— „Скажи, пожалуй, опъ чего мы не проѣхали ни одной деревеньки, копорая бы походила на другую? Въ иныхъ наши Русскія избы съ узорными пологнами по кровлѣ и высокими деревянными шрубамн въ прорѣзъ; въ иныхъ мазанки съ горшкомъ вмѣсто дымовья, въ иныхъ Чухонскія лачуги, у копорыхъ изъ каждой щели, какъ изъ жерла, чернѣеть копотъ.“

— „Изволишь видѣшь, Князь: край эптогъ зовепся шеперь *Польскими Инфлантами*, и доспался Польшѣ опъ Нѣмецкихъ Рыцарей. Опъ эптого здѣсь есть и Чудскіе переселенцы, и туземные Лапыши, и старинные Липовцы, и наспоющая Польская шляхта, и бѣглые Русскіе, копорыми въ особенноти заселены пограничья. Между панамн такой же сбродъ: кто Нѣмецъ, а кто Лапышь, кто Баронъ, кто Князь.“

— „Ну, а хорошо ли они знаютъ оспальную Польшу и другой конецъ Липвы, Украйну, Подолію?“

— „И всё-то Поляки, кроме своего округа, не знаютъ, да и знаютъ не хопящъ опчизны, а здѣшніе медвѣжапа всѣхъ менѣе. Варшавцы и Краковяки смѣются надъ ними; они презираютъ ихъ и другихъ вмѣстѣ, и доказываютъ, что предки ихъ были уже дворянами, когда въ Польшѣ жили однѣ лягушки.“

„Тѣмъ лучше, тѣмъ вѣрнѣе! Стало бытъ намъ безъ страха можно будетъ рассказывать сказки. Помни же, панъ Зеленскій, что я Липовскій дворянинъ Яромиръ Маевскій, а пы шляхпичъ Спребала; что мы, раненые, взяты были въ плѣнъ при вылазкѣ изъ Кремля, и пеперь разбѣнные возвращаемся домой въ Пинскъ, черезъ Сѣверную Русь по приказу Государеву, чтобы не сполпншъ плѣнныхъ на военной дорогѣ къ Смоленску. Говоря по-Польски, какъ Полякъ, и зная почти всѣхъ бывшихъ при Дворѣ Димитрія, и въ войскахъ Коронныхъ и въ полкахъ подъ Тушинымъ, я надѣюсь порядочно поддѣлаться къ Польскому ладу. Про себя и говорю нѣчего; а впрочемъ всему дѣлу колесо — наше неизмѣнное *авось!*“

— „Все это хорошо, сударь Князь, если не случится шамъ никого изъ бывалыхъ подъ Москвою, а если на грѣхъ, какой озорникъ насъ узнаетъ? Не миновать воздушной прогулки: у нихъ судъ корошокъ.“

— „Что жь дѣлать, пань Зеленскій? Опвага попиваеть медь, а робоснь грызеть ледь. Волковъ бояшся, шакъ и ягодъ не видашь. Смѣкай, что я скажу тебѣ: мнѣ надобно выкрасить опть Колоншя Русскую плѣшницу, шакъ ты хорошенько разузнай, гдѣ она спитъ, когда гуляетъ; перещупай всѣ замворы; пронохай всѣ лазѣчки, и держи ухо востро, а коней всегда въ подпругахъ.“

Въ это время они встрѣтились съ бѣднымъ крестьяниномъ, который на низенькой некованой шельжкѣ ѣхалъ за сѣномъ, и увидя всадниковъ, опромешью сворошилъ съ дороги и опрокнулъ въ оврагъ свою повозку; но вмѣсто того, чтообъ поднимать ее, онъ только боязливо кланялся проѣзжимъ. На испощенномъ лицѣ его написана была жалкая просопта; бѣлый, изодранный балахонъ не прикрывалъ дыръ на рубашкѣ.

— „Далеко ли до Самполя, добрый человекъ?“ спросилъ Князь.

— „Близехонько, паночекъ,“ отвѣчалъ крестьянинъ по-Русски.

— „Что значить: дай Богъ шуда добраться къ обѣду,“ — замѣтилъ Зеленскій. — „Здѣшнее близко — дѣшнѣ Коломенской вершины.“

— „Однако жь какъ близко?“ повторилъ Серебряный.

— „Въ старину было пять миль, паночекъ, да панья змловалась, велѣла полько премь бытъ.“

— „Добрая же у васъ панья!“

— „И храни Богъ, какал добрал: сама намъ сказываешь, какъ изъ церкви выходить, что за насъ молился; да панъ Экономъ насъ обманываетъ: послѣднюю корку и послѣднюю курку опниваетъ, а въ годъ на спивъ кожи двѣ обновить, да все приговариваетъ: панья велѣла.“

— „Ну, брашь Зеленскій, это видно по нашему. У ханжей, да пустосвяповъ, однимъ кошкамъ маслница.“

— „Какое сравненіе, Князь, живью Русскаго мужичка съ Польскимъ! Тотъ не продается на ряду съ баранами, и дождавшись Юрьева дня, поклонъ да и вонъ опъ злаго барина. А здѣсь холопа и человекомъ не считаютъ; его же грабятъ, да его же и въ грязь попчуютъ. Я знаю нѣкоторыхъ пановъ, которые опдають выкармливать своихъ щенковъ кормилицамъ, опнимая у нихъ грудныхъ младенцевъ.“

— „Это клевета,“ — сказалъ Серебряный, содрогнувшись.

— „Дай Богъ, чтобы это была клевета. Я выросъ на опнипомъ хлѣбѣ, Князь, и съ молодыхъ ногшей привыкъ гулять на счепъ кре-

спьянина и въ чужбинѣ, и на родинѣ; совѣсть у меня не изъ заспѣчивыхъ, а право сердце поворачивается, когда посмотришь бывало, что дѣлають паны съ своими холопами.“

Князь долго вѣхалъ въ молчаніи. Время лепило.

— „Мы ужъ въ полумилѣ шеперь опъ замка пана Колонпал,“ сказалъ наконецъ Зеленскій. „Не худо бы намъ, Князь, пооправиться у этой рѣчки. Вездѣ по плашью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ.“

— „И въ самомъ дѣлѣ шакъ,“ отвѣчалъ Князь, слѣзал. — „Дай-ка мнѣ зеленый Польскій кафшанъ, да и самъ нарядись побогаче, и будь, если не умнѣе, то скромнѣе, чтобы заслужить и хорошую встрѣчу, и добрые проводы. Я прошу тебя, для этого только мочить усы въ чаркѣ.“

— „Нѣтъ, Князь! коли пить, шакъ пить, а то не зачѣмъ и нюхашъ. У меня губа словно Грецкая губка: чуть окунешъ ее въ вино, донышко и проглядываетъ, а голова хопъ выжми.“

— „Дѣлай, какъ знаешь; но чешью увѣрляю тебѣ, что если ты самдругъ проболшашься, я изъ тебѣ сдѣлаю окрошку.“

— „Князь будетъ мною доволенъ. На мнѣ шкурка хопъ не черного соболя, однако жъ я не промѣню ея на чарку.“

И между пѣвъ Зеленскій пособилъ Князю убраться. Зеленая бархатная шапочка, опушенная горностаемъ, покрыла темнорусыя кудри Князя. Такого же цѣвша и съ шакою же окладкою венгерка съ серебряными жгузами обняла спанъ; за золотымъ поясомъ зашкнупъ былъ Турецкій кинжалъ, осаженный жемчугомъ и цѣвными камешками. Неширокіе атласные порты скрывались въ желтые сафьянные сапоги, отличительный знакъ дворянства во всѣхъ земляхъ Славянскихъ. Наконецъ Князь перебросилъ на шею эмалевую цѣпь, на которой висѣли серебряные часы лувковидею, такъ, что они выглядывали изъ-подъ кушака. Кривая сабля довершала нарядъ его.

— „Хорошъ ли?“ спросилъ, онъ улыбался, съ самодовольнымъ видомъ и глядясь черезъ плечо въ рѣчкѣ.

— „Молодецъ!“ отвѣчалъ Спремляной, охорашивался самъ въ новомъ коншущѣ. „Теперь и я, какъ змѣй въ новой кожѣ; красивъ и хитѣрь. Давно, Князь, не носили мы Польскаго наряду, а по правдѣ сказать, что онъ каршника — стѣбитъ только надѣвъ его, чтобы вскружить головы всѣмъ красавицамъ!“

„Поберегись, чтобы пивою не скрутили; однако солнце всходитъ на полдень, пора!“ Князь завернулся отъ пыли въ охабень, под-

битый куницами, и оба поскакали къ замку Колонпая.

Спаниславъ Колонпай, старикъ лѣтъ за шестидесять, пучный, подагрическій, и, какъ всегда водился при богатствѣ и недугѣ, причудливый и своенравный, сидѣлъ подъ навѣсомъ на широкомъ крыльцѣ своего неуклюжаго палаца. Всѣ сказанныя достоинства выражались разными морщинами желтаго лица его, а длинныя сѣдые усы, которыми онъ подергивалъ безпрестанно, придавали еще болѣе кислоты его физиономіи. На немъ, какъ на Кипайскомъ Мандаринѣ, была желтая однорядка, со множествомъ пуговиць, подпоясанная очень низко, равно по обычаю Польскому, и для того, чѣмъбы поддержать двухъярусный его животъ. Ноги, обутыя въ плюсовые сапоги, покоились на подушкѣ.

Въ споронѣ, поодаль, сидѣла его супруга во Французскомъ кругломъ платьѣ, старушка почтенная, но жеманная; — далѣе еще нѣсколько сосѣдокъ, сынъ ихъ Левъ, спашный мужчина съ выразительнымъ лицомъ, и паны — госпи, въ которыхъ ни одинъ порядочный домъ въ Польшѣ не имѣетъ недоспашка даже въ Спраспную недѣлю. Паненки — существа, похожія на нашихъ воспитанницъ, покоѣвцы

— родъ пажей, пахолки — родъ слугъ, и вся шляхепская молодежь, соспавлявшая нѣкогда застольную дворню, стояли или прогуливались сзади, шупили промежь собой, болтали любовноспи дѣвушкамъ, и, какъ водится, подтрунивали надъ своимъ папрономъ.

Младшій конюшій объѣзжалъ по двору пыкаго жеребца, и спарикъ Колонпай, держа въ рукѣ бичъ, изволилъ повременно имъ похлопывать, заставляя чепвероногого новичка дѣлать прыжки и дыбки. Дамы были заняты своимъ разговоромъ.

— „Добрже, панъ Машпаляржъ, досконале! Еще задай ему шпрапацію; оспрожки въ боки и хлыспомъ по крестцу, чшобы при осадкѣ хвостъ на землю ложился. На одномъ шипу поворачивай; вошь такъ, да не балуй коня, когда онъ балуестъ. Теперь играй уздой, чшобъ осколь не онѣмѣлъ,“ — приговаривалъ хозяинъ.

— „Добрый конь!“ сказалъ Хорунжій Солтыкъ, взглянувъ на него, и снова обратился къ дамѣ, кошорой онъ чшо-шо нашептывалъ.

— „Настоящая Арабская кровь,“ примолвилъ одинъ изъ поддипалъ хозяина. „Орель, а не конь!“

— „Прличный пѣшухъ!“ возразилъ хозяинъ съ презрѣніемъ. „Если на тебѣ, панъ Цаплинскій, выжечь павро, такъ имъ сполько же бу-

дешь Арабъ, какъ эпопъ жеребчикъ! Не по бы вы запѣли, господа, если бѣ вамъ удалось видѣть моего рыжаго въ мыль коня, наспоющей Персидской породы, кошораго добылъ я, когда мы съ Замойскимъ разбили Турокъ. Бывало, змѣемъ подо мной совьешся и въпромя по полю носился, ржешъ и пышишь, и копыпомъ изъ милоспи по муравъ спупаешъ; полько спало бы умъня сидѣть на немъ, а поскачешъ — шакъ любо, даже духъ захвапываешъ! “

— „Панъ Спаниславъ издавна слылъ удалымъ наѣздникомъ,“ — привѣшливо молвилъ Рѣжицкій Судья, Войдзевичъ.

— „Да, чеспъ имѣю доложитъ, мы за Баторія позвенѣли на свой най палашами, и хопя у насъ въ пѣ поры молодцами хопъ мостъ моспи, а Колонпай между ними былъ не послѣднѣй. Бывало, когда выѣду погарцовашъ въ дѣль, шакъ други и недруги пальцами указываюпъ. Теперъ иныя времена: новопольская молодежь лучше любипъ ласкапъ дамскія пожки, чѣмъ сабельныя ручки.“

— „Мы слышали, что и панъ Спаниславъ въ молодую пору былъ присяжнымъ угодникомъ и любимцемъ красавиць,“ сказалъ Войдзевичъ.

— „Добрже, добрже, панъ Сендзълъ; что было, шо было, полько мы въ спарину не за-

бывали славы для волокитства, и не въковали въ женскихъ уборныхъ; а вы черезъ-чуръ изневыспились, панове!“

— „Мнѣ кажепся,“ возразилъ Левъ Колоншай: „что батюшка напрасно обвиняетъ насъ въ изнѣженности. Уваженіе къ дамамъ не пустишь, а раздуваетъ въ насъ пламя славобилія, и недавнія побѣды надъ Русскими доказали, что мы достойны своихъ предковъ.“

Папъ Колоншай принадлежалъ къ общему разряду спариковъ, для которыхъ все настоящее дурно, и все минувшее прекрасно, попому, что тогда они были молоды и могли блистать. Желчь въ немъ еще сильнѣе разыгралась отъ проповорѣчія сына, котораго онъ называлъ *Лѣвинькой*, хотя ему минуло уже 27 лѣтъ. Дѣши въ опцовскихъ глазахъ вѣчные недоросли, и сохрани Богъ, если они вздумаютъ имѣть, или, и того хуже, сказать собственное мнѣніе.

— „Побѣды?“ вскричалъ онъ насмѣшливо: „ничего сказать, славно побѣждали свои товарищи подъ Троицкимъ монастыремъ и подъ Москвою. . . И дѣлю вамъ: не вступайтесь за всякаго бродягу. Марина повела васъ за хвостомъ своимъ, а за Жигмуншовы усы вы проводили молодцовъ не ласково.“

— „Дѣлю доказываетъ лучше споровъ, ба-

пюшка. Наши вывели изъ Москвы до пылчи возовъ драгоцѣнностей.“

— „Слава конямъ, вся слава конямъ! Кто идетъ впередъ, тому нужнѣе брони, чѣмъ кони.“

— „Бѣглецы не приводятъ въ шоржествѣ плѣнныхъ Царей за собою!“

— „Полкамъ должно краснѣть за такія шоржества. Съ бою ли, чesпью ли взяли Василія? Нѣтъ, — изъ монастыря и обманомъ, да и давай показывать Варшавскимъ зѣвакамъ за Царя, человека, ихъ же происками посприженнаго въ монахи; давай прозой и стихами величать себя побѣдителями, попирая бока. Вотъ весь вашъ хваленый походъ на Москву!“

— „Конечно онъ спомнѣ походъ Баторія на Псковъ,“ возразилъ въ укоризну раздосадованный сынъ.

Спарикъ закипѣлъ. — „Да, конечно, мы ходили шуда безъ успѣха, но тамъ побѣдили насъ вьюги, а не люди; за то мы и не хвастались удачею: у кого довольно серебра, шопъ не напираетъ ршупью шеляговъ. Тамъ потерялъ я лучшато друга и лучшаго коня, и съ шѣхъ поръ поклялся вѣчною ненавистью къ Русскимъ, и пусть чорпъ изъ костей моихъ выпочипъ игральныя кости, если хопъ одинъ Русскій, попавшій въ мои руки, вы-

рвется изъ нихъ живой, и мнѣ всего досаднѣе, что вы бѣете ихъ только словами.“

— „А взялие Смоленска?“ замѣнилъ Войдзевичъ.

Въ эту минуу Князь Серебряный показался въ проськѣ въ сопровожденіи своего Стремянаго. Общее движеніе любопытства очень ксшати прервало порывъ раздражительности Колоншаевой, и онъ самъ, опѣнивъ глаза рукою, принялся разсматривать, кто ѣдетъ.

— „Эпо Іозефъ Бржестовскій,“ — сказала одна пригожая панна.... То-то онъ навезетъ намъ новостей и гостинцевъ; онъ такъ мило умѣетъ рассказывать дворскія шалости и такъ вѣрно описываетъ моды, что по словамъ его можно кроить, какъ по мѣркѣ.“

— „Развѣ Михаилъ Тимонъ,“ — возразила другая. — Вотъ намъ и первая пара въ мазурку.... — Эпо вѣрно онъ; я очень хорошо знаю его осанку.“

— „Сердце примѣшливый живописецъ,“ лукаво замѣнилъ Войдзевичъ.

— „Только панъ Судья плохой судья сердецъ,“ отвѣчала красавица.

— „Эпо ни шопъ, ни другой“ — молвила претья. — „Эпо Вацлавъ Шадурскій; — не худо, чтобы панъ Хорунжій прочелъ намъ опходную, потому, что онъ уморитъ со смѣ-

ху, представляя Короля и любимцевъ его По-
поцкихъ, когда они варящъ золотой супъ.“

— „Панна Ружа можесть до случая спря-
пать наперспокъ,“ — возразилъ Левъ Колон-
шай: „панну Сидалию приглашаю выбратьъ
себѣ другаго кавалера для мазурки, а панна
Марина удостоишь еще пожить на свѣтѣ
вмѣстѣ съ нами, — это какой-то незна-
комецъ; но во всякомъ случаѣ новый поклон-
никъ вашихъ прелестей, милоспивыя госу-
дарыни. — Не такъ ли, панна Элеонора?“

— „Если онъ такъ же любезенъ, какъ спа-
пень,“ отвѣчала Пани Лаская, нѣжно при-
щуривая очи на Колоншай.

— „О, конечно, панна Элеонора! наруж-
ность такъ обманчива, и глазамъ опасно до-
вѣряться.“

— „Очи зеркало души,“ говорящъ спихо-
творцы.

— „Но и самая душа бываетъ зеркаломъ,
которое все отражаетъ, и ничего не хра-
нитъ.“

— „Какая строгость, панъ Левъ! Но мы
знаемъ, откуда въперъ наносишь на насъ на-
падки за въпренность. Ваша скромная Рус-
ская плѣнница едва ли не взяла въ плѣнъ са-
мого“

Прїѣздъ Зеленскаго прервалъ всѣ разгово-

ры; онъ очень легко и твердо повторилъ заученную просьбу со всеми околичностями.

— „Просимъ пожаловать“, ласково отвѣчалъ старикъ Колоншай. — „Моего порога искони не миновали проѣзжіе, и я тѣмъ больше радъ гостю, что онъ землякъ и шляхтичь. Проси пана Маевского не только на часъ, на мѣсяць. Я самъ и домъ мой къ его услугамъ.“

Между тѣмъ, покуда происходили объясненія и приглашенія, Князь споялъ верхомъ у вѣзда, и разсмапривалъ гербы на каменной оградѣ, копорые, подобно негоднымъ правамъ, развивались повсюду. На самомъ сводѣ воронъ прибилъ былъ раскрашенный желѣзный щипъ, и плющъ въ самомъ дѣлѣ прибавлялъ къ нему украшенія, невнесенныя въ печать; за то домовишныя ласпочки залѣпили весь верхъ его своими гнѣздами, не заботясь, что эта вывѣска щещславному хозяину дороже всѣхъ каршинъ въ свѣтѣ; но спранныя вещь: предразсудокъ оставилъ въ покоѣ ласпочекъ, будно въ доказательство, что внушенія природы побѣждаютъ заблужденія ума.

Я не ручаюсь, чтобы подобныя мысли кружились въ головѣ Князя — онъ принадлежалъ не его вѣку, и еще менѣе его положенію. Сердце Князя билось, — издали въ каждой женщинѣ ему мечталась Барвара. Что онъ ска-

жеть ей? Какъ встрѣишь она его? Какъ открывшись въ своемъ предпріятіи? Не измѣнялъ ли ему восклицанія неожиданной встрѣчи? — У него пошемило въ глазахъ, когда онъ взвѣхалъ на широкій дворъ Магнаша. Оправясь однако жъ онъ перваго замѣщательства, онъ посрединѣ сошелъ на землю, и развязно приблизился къ хозяину. Тотъ, видя учтивость пріѣзжаго, разгладилъ усы и морщины, и пошла обоюдные привѣты. — Поляки всегда были щедры на слова, и Магнашъ хотѣлъ доказать, что дворъ для него не *новая земля*. Въ заключеніе онъ прибавилъ: „Я увѣренъ, что панъ Маевскій, спустивъ послѣ долгаго шѣна на родную землю, найдетъ въ моемъ домѣ родственныи пріемъ. Вотъ жена моя, урожденная Княжна Гедройць; вотъ сынъ мой, Левъ Колоншай, Ролмиспръ Язды Коронной Предоставляю пану самому познакомиться съ дамами и съ молодыми паннами.“ — Поцѣловавъ почтительно руку ухажайки, и учтиво раскланявшись съ сыномъ, онъ былъ задавленъ распросами онъ каждаго и каждой изъ собранія. Князь благодарилъ судьбу, что тупъ не было Варвары; онъ чувствовалъ, что въ ея приуспѣвѣи никакъ бы не могъ такъ вольно рассказывать небылицы. Духъ подражанія, конемъ столь щедро надѣла или наказала природа Русскихъ, послужилъ

ему въ этомъ случаѣ чрезвычайно. Напершись Польщизною при Дворѣ Самозванца, и находясь съ ними въ безпреспанныхъ сношеніяхъ, послѣ употребляемый за переводчика во все время внутренней войны, онъ удачно ссымался на то, что зналъ, и опговаривался плѣномъ въ томъ, чего не зналъ, и приписывалъ опвычкѣ ошибки языка. — Съ полчаса спуся за полдень, на дорогѣ послышался топъ коней, предшественный звуками бубна. Князь подумалъ сперва, что не за нимъ ли скачешъ опрядь конницы — ничего не бывало. Пыль разсупилась, и глазамъ его представилась тяжелая линѣйка, построенная едва ли не изъ обломковъ ковчега; она влекома была, такъ сказать, воспоминаніемъ шести топщихъ лошадей разнаго роста и разной масти. Впередѣ скакалъ бубенщикъ, чтобы недостойная чернь сворачивала съ дороги, а кругомъ шесть вершниковъ въ гусарской одеждѣ.

— „Милости просимъ, панъ Спароспа Креславскій; милости просимъ, ясневельможная цани Спароспина, добро пожаловать, панны Спароспувны, — какой доброй вътеръ занесъ ко мнѣ васъ!“ вскричалъ спарикъ Колонпай, обнимая по очереди допомоное семейство, и признавъ сказать, когда онъ къ прочимъ привѣтствіямъ прибавилъ, „что они ужъ тысячу лѣтъ не видались,“ никто

не счелъ его за преувеличеніе. Когда выгрузили изъ линѣйки всѣхъ паннъ, всѣхъ паненокъ, всѣхъ мосекъ и пыслчу одну каршонку и шкапулку, громкое восклицаніе: „обѣдъ на столѣ!“ оживилъ собраніе. Хозяинъ подвелъ мнимаго Маевского къ младшей, хопя вовсе не молодой дочери Староспы, подхватилъ самъ руку ея мапери, кряхтя опть подагры, но за шо лихо моргая усами, и госпи, мѣнясь привѣтспвіями, попянулись въ споловую.

(Продолженіе впрѣдъ.)

II.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Шиллеръ и Гётте.

(Продолженіе.)

Трепія и главнѣйшая пайна изящества характеровъ Шиллеровыхъ еспь *пламень благородныхъ страстей*. Симъ огнемъ пылаешъ каждая великая душа: онъ еспь жерпвенный пламень, приносимый власпямъ небеснымъ; огонь Веспы, хранимый посвященными въ храмъ боговъ; искра Прометеева, похищенная съ неба, для надѣленія челоуѣка душою божеспвенною; огонь вдохновенія,

которымъ согрѣваются души избранныя, огонь фениксовъ, въ которомъ родъ человѣческой вѣчно перерождается для новой юности. Безъ пыла страстей благородныхъ не можетъ произойти ничего великаго въ жизни и въ Поэзіи. Каждый геній носитъ въ себѣ это пламя; всѣ его созданія проникнуты онымъ. Поэзія Шиллера есть крѣпкое, огненное вино; всѣ слова его суть пламя благороднѣйшаго чувства. Идеалы, имъ созданные, суть дѣяніи его пламеннаго сердца, и опдѣльные лучи, изливающіеся отъ его собственнаго внутренняго огня. Но между всеми Поэтами, Шиллеру принадлежитъ преимущество страсти самой чистой и вмѣстѣ самой сильной. Никто, столь чистый сердцемъ, не питалъ въ себѣ сего пламени; никто, согрѣтый такимъ пламенемъ, не обладалъ такою чистотою. Такимъ образомъ чистѣйшее изъ земныхъ веществъ, алмазь, будучи зажженъ, горитъ съ такимъ блескомъ, съ такимъ внутреннимъ жаромъ, въ сравненіи съ коими кажется слабымъ и пусклымъ всякой другой огонь.

Можетъ ли существовать любовь болѣе цѣломудренная, болѣе свѣпая, чѣмъ любовь, которую ощущалъ Шиллеръ, и которую онъ вдохнулъ въ душу изображенныхъ имъ любовниковъ? И гдѣ найдемъ мы ее столь же пламенною и сильною, неодолимою для цѣлаго мі-

ра враговъ, пробуждающею высочайшую силу душевную, радостно приносящею жертвы самыя немовѣрныя? Начиная опть прелести самой нѣжной, опть первой встрѣчи взоровъ, опть перваго шрепешанія сердечнаго, до самой грозной бури, потрясающей всѣ чувства, до поразительнаго геройства дѣвственнаго мужества, до возвышенной смерти любящихся, приносящихъ себя на жертву — любовь въ твореніяхъ Шиллера раскрываетъ безграничное богатство своей красоты, подобно священной музыкѣ, которая опть нѣжнейшаго и самаго тихаго тона переходитъ къ грозѣ звуковъ самыхъ сильныхъ, но всегда чистыми аккордами.

У Шиллера, пламя вдохновеннаго сердца обвиняетъ все священное для человечества; и шупъ гений его вооружается огненнымъ мечемъ небесъ, шупъ начинается борьба бравоноснаго Ангела съ духами преисподней.

Чистая душа Шиллера не могла сносить никакой неправды, и онъ, вооруженный, выступаетъ въ бой за справедливость и *право*. Пророкъ вдохновенный, онъ возвыщаетъ святое ученіе о той благодати, которая нераздѣльно обитаетъ съ справедливостію, и о той гибели, которая неминуемо слѣдуетъ за нарушеніемъ права. Но пламень его чувствования и ослѣпительная красота рѣчи никогда

не попомняюпъ истины его пронцапельной разсудительности; она, напрошивъ того, пробивается пѣмъ съ большимъ блескомъ, пѣмъ съ большею разительностию.

Законная свобода, неопдѣлимая отъ права, была самымъ драгоценнымъ сокровищемъ его сердца. Однако ша свобода необузданная, копорая исходитъ отъ несправедливости и къ несправедливости приводитъ, принадлежитъ къ числу силъ враждебныхъ, демонскихъ, съ коими сильно боролся геній Шиллера.

У насъ нѣтъ Поэпа, копорый изложилъ бы право и законную свободу съ такимъ пламеннымъ вдохновеніемъ, съ такою необыкновенною прелеспію Поэзіи, и копорый, въ то же время, сохранилъ бы такой чистый, неподкупный образъ мыслей, такое благоговѣніе къ власпи истины, и копорый столь бережно избѣгалъ бы крайностей.

Геній Шиллера принадлежитъ человѣчеству. Его Маркизь Поза есть представитель правъ человѣческаго рода, разсмаприваемыхъ съ высшей точки зрѣнія. — За права народовъ подвизается Дѣва Орлеанская; право лица въ частности поддерживаешь Вильгельмъ Тель. Но и всѣ прочіе его герои являютъ намъ борьбу права и законной свободы съ своеволіемъ и насиліемъ; и здѣсь Шиллеръ обнаруживаетъ такое же обиліе генія, какъ въ любви.

Сіи немногія черты основныя достаточны для того, чшобъ показати намъ духъ Поэзіи Шиллера. — Каждому, кто знаетъ Шиллера, скажетъ его собственное чувство болѣе, нежели сколько можно было сказать здѣсь.

И сіе чувство никогда не погибнетъ; его будутъ разделять съ нами будущія поколѣнія и времена опдаленныя; можетъ быть, имъ суждено познать величіе Шиллера, увидѣть оное въ лучшемъ сіяніи, въ большей чистотѣ, во всемъ достоинствѣ; ибо стремленіе сего генія принадлежитъ будущности — свободнѣйшей, благороднѣйшей будущности, которую предузрѣло его святое желаніе и его швердое вѣрованіе въ челоѳчество, къ которой перешелъ прежде насъ, и откуда манилъ насъ къ себѣ высокій духъ Поэта, радуя предвозвѣщеніемъ счастливыхъ временъ. — Если многіе погружались въ мракъ минувшаго для того, чшобъ духъ челоѳчества закопать въ старыя желѣза, то Шиллеръ, какъ ангелъ свѣтозарный, спалъ у вратъ будущности, приподнялъ завѣсу оной, и открылъ жадному взору видъ веселый, свободный.

Важность, торжественность, которыми облекается нашъ духъ, бесѣдуя съ Шиллеромъ, невольное возвышеніе души нашей, священныи прѣпеть, вселяемый имъ въ приближаю-

щихся къ нему, не могутъ, конечно, нравиться вспешическимъ крикунамъ, бездушнымъ, самодовольнымъ, сластолюбивымъ ихъ ученикамъ, которые въ душѣ своей спрашиваютъ его, и, упавъ свою злобу, свою мстительность, хулятъ и порицаютъ его. Не думая долго, его называютъ неестественнымъ, неуклюжимъ, педантическимъ, грубымъ, — и выдаютъ за Поэта своевольной юности и необузданной черни. — Такъ! все великое, все превосходное сдѣлалось неестественнымъ для васъ потому, что вы исказились, испортились въ самомъ своемъ основаніи; потому что низость, пошласть спали вашею второю природою. Доброумель кажется вамъ педантическою, потому, что вы должны научаться ей отъ другихъ, слушаетъ, какъ ее проповѣдуютъ посторонніе люди, потому, что она не говоритъ въ вашемъ собственномъ сердцѣ. Каждая смѣлая мысль кажется вамъ грубою, потому что она испровергаетъ ваши условныя предосторожности, разрываетъ ваши вериги, разбиваетъ вашихъ ничтожныхъ идоловъ. На васъ однихъ падаетъ позоръ, если чернь умѣетъ лучше, чѣмъ вы, цѣнить и уважать великаго Поэта. Я утверждаю, что ни одинъ Поэтъ въ цѣломъ мірѣ не превосходитъ нашего Шли-

лера въ нѣжности нравственной; и для нее одарены юношество Нѣмецкое и народъ Нѣмецкій нѣжнымъ, пріимчивымъ чувствомъ, — которое они сохранили, доколь не исказили онаго ваше отвращительное болтанье и ваши кривые толки объ Искусствѣ. Ваше нравственное чувство туго для понукосей сего рода; важничал, вамъ хвалился бы вашимъ чувственнымъ лакомствомъ, вашимъ плотско-угодіемъ!

— — Теперь мы обращаемся къ Поэзіи новѣйшей, которую выше, какъ претій главный родъ, какъ претью Школу нашей Поэзіи, мы различали съ Поэзією древнею и Романтическою. Характеристическій, отличительный признакъ оной состоитъ въ томъ, что она преимущественно придерживается настоящаго, и изображаетъ только нынѣшнихъ людей и ихъ отношенія. Она противопоставляетъ настоящее время древности и среднимъ вѣкамъ, дѣйствительный міръ чудесному, ежедневное — идеальному. Она не есть зеркало міра минувшаго или идеальнаго, но отраженіе нашей собственной, нынѣшней жизни, нашихъ дѣлъ и занятій.

Въ нѣкоторомъ отношеніи, конечно, должно казаться, что сія новѣйшая Поэзія есть единственно естественная, національная, соотвѣтственная времени Поэзія, род-

ной пѣвпокъ на нашей отечественной почвѣ, принадлежащій ей вполне, какъ Греческая Поэзія и Романтическая среднихъ вѣковъ принадлежали совершенно своему времени. И кто спанеть отрицать, что, не взирая на всѣ искаженія моды, не смотря на испорченность или излишнюю упомченность нравовъ, мы имѣемъ еще дѣйствительно очень много поэтического, которое мы должны лѣлять, какъ наше ближайшее и самое вѣрное достояніе. — Но, къ сожалѣнію, мы слишкомъ часто смѣшиваемъ то, что дѣйствительно прекрасно, съ дѣйствительнымъ настоящимъ, которое мы считаемъ прекраснымъ. Именно то, что къ намъ ближе всего, что находится предъ нашими глазами, ослѣпляетъ и обманываетъ насъ. То, что мы сами есть, что имѣемъ, чѣмъ наслаждаемся, чего желаемъ, или что дѣлаемъ, кажется намъ опъ того прекраснымъ. Самолюбіе, привычка и мода заслоняютъ опъ насъ наши недоспапки, все ошибочное въ насъ, и искажаютъ нашъ природный вкусъ. Мы считаемъ прекрасными себя и то, что имѣемъ или чего желаемъ, и вносимъ это въ нашу новѣйшую Поэзію, или находимъ удовольствіе, встрѣчая то же самое или подобное на нашей драматической сценѣ или въ Романахъ. Наша суешность или наше самолюбіе обманываютъ насъ въ разсужденіи поэ-

шическаго достоинства сихъ явленій. — Спомъ же сильно дѣйствуесть привычка. Мы не примѣчаемъ многого отвращительнаго и непозшическаго потому единственню, что привыкли къ оному съ самаго младенчества, или допусаемъ, шершимъ оное потому, что оно соотвѣтствуесть склонности, которую мы сами въ себѣ воспитали, усилили. Наконецъ мода имѣесть самое пагубное вліяніе на нашъ вкусъ: мы почитаемъ многое прекраснымъ, потому что оно ново, что всѣмъ нравился и всѣмъ перенимается; на оборотъ, многое кажется намъ дурнымъ, потому что оно старо, что надъ нимъ смѣются, хотя первое ничтожно, последнее превосходно.

Опъ эпого наша новѣйшая Поэзія сдѣлалась спраннымъ смѣшеніемъ испинной Поэзіи и суешности, привычки и безразсудствъ причудливой моды. Сіе жалкое положеніе не укрылось опъ общаго замѣчанія; его видяшь, ибо нельзя заглушить совершенно эстетическую совѣсть, такъ же какъ и нравственную. Посему у насъ повсемѣстно распространилось повѣрье, что міръ новѣйшій, при своей высшей образованности, менѣе имѣесть поэшическаго, чѣмъ міръ древній; у насъ господствуесть нѣкотораго рода общее чувство, что наша новѣйшая Поэзія менѣе священна и благородна, менѣе доблестна, чѣмъ

древняя и Романтическая, что она есть, такъ сказать, Поэзія плебейская.

Сіе общее чувство явственнѣе всего обнаруживается тѣмъ, что величайшіе изъ нашихъ Поэтовъ посвящаютъ свое дарованіе либо древней, либо Романтической Поэзіи, а новѣйшую оставляютъ черни поэтической и женщинамъ - писательницамъ. Сверхъ того оно обнаруживается еще и тѣмъ, что самыя лучшія произведенія новѣйшей Поэзіи суть юмористическія и сатирическія, которыя провизируютъ или осмѣиваютъ новѣйшую жизнь. Наша юмористика заимлетъ свое великое значеніе отъ того именно, что она жалуетъ обо всемъ нашемъ наслодцемъ бытіи, или презираетъ оное, между тѣмъ какъ древніе Сатирики казнили своею лозою только частныя недоспапки и слабости.

Такимъ образомъ мы различаемъ при существенные рода новѣйшей Поэзіи: дидактической или психологической, сентиментальной и юмористической. Новѣйшая жизнь изображается либо для того, чтобы присоединить къ сямъ изображеніямъ назиданіе, либо чтобы услаждаться самодовольною сентиментальностію, либо чтобы провизировать ее.

Древнѣйшій изъ сихъ родовъ есть родъ *дидактической*. Представляли картины нравовъ, сочиняли нравоучительныя повѣсти, ли-

бо для того, чтобы прелестію изображеній новѣйшаго времени сдѣлатьъ приманчивыми строгіе законы нравственности, либо чтобы доставивъ доступъ симъ изложеніямъ, украсил оныя прелестію нравственною. Дѣйстви-тельно трудное было дѣло внести въ Поэзію изображенія, занятыя у обыкновенной жизни настоящаго времени, ибо Поэзію почитали для эпого слишкомъ важною. На сценѣ, какъ и въ Романахъ, хотѣли видѣть только боговъ и героев или паспушковыхъ, а не обыкновенныхъ людей новомодныхъ. Англичане, какъ природою, такъ и примѣромъ ихъ великаго Шекспира, были охранены отъ такихъ предразсудковъ. Они откинули въкусъ Французскій, которій впоргнулся и къ нимъ, особливо усилями Попа, и возвратились къ ихъ собственнѣйшей природѣ. — Но они впади въ нижній родъ протестантскихъ и нравоучительныхъ картинъ во вкусъ школы Фламандской, и первые, введенные ими Романы, изображающіе времена новѣйшія, были чрезвычайно скучны и упоминательны педантизмомъ, какъ самое время, и еще несноснѣе отъ богословской и нравоучительной приправы. Примѣръ Англичанъ побудилъ и Германцевъ составлять картины нравовъ въ костюмѣ современномъ; и проповѣдникъ Гермесъ, подѣ пару къ Англійской Клариссѣ, написалъ Прусскую Софію.

— На сценѣ также появились картины нравовъ, которыми давали названіе Комедій. Сначала сіи изображенія новыхъ временъ имѣли вполне нравоучительный характеръ и совершенно Англійскій покррой. Только чрезъ эпоху получали они доступъ. Привыкнувъ однажды къ явленіямъ вседневнымъ въ Романахъ и театральныхъ представленіяхъ, вскорѣ начали находить въ нихъ удовольствіе. Они нравоучительныхъ картинъ перешли попомъ къ психологическимъ, избравъ сей же самый путь и въ Философіи. Гермесъ, читающій поученія нравственныя, принадлежитъ ко времени Вольфа. Романы и Драмы психологическіе относятся къ періоду Канта.

И такъ эта дидактическая Поэзія разделяется на нравоучительную и психологическую. Нравоучительная была первою, но сохранилась и до нашихъ дней. Долго спорили о томъ, не есть ли вообще Поэзія только средство для водворенія нравственности, и потому съ полнымъ убѣжденіемъ и чистосердечіемъ спавили драматическую сцену наравнѣ съ кафедрою проповѣдника, а нравоучительныя повѣсти — съ проповѣдями; у Гермеса, Николая, Шпиллинга и другихъ, Романы даже дѣйствительно наполнены проповѣдями, по крайней мѣрѣ весьма похожими на по разсужденіями; по же самое во множествѣ

случается еще и нынѣ, напримѣръ въ Романѣ: *Wahl und Züging*. Изображенія психологическія начались со временъ Лессинга, и распространились преимущественно въ сѣверной Германіи, въ формѣ частію Комедій и плаксивыхъ Драмъ, частію Романовъ. Источникомъ оныхъ было стремленіе подсперечь природу въ самыхъ понкихъ ея сгибахъ. Ихъ эстетическое основное правило было правило Бапшѣ, что Поэзія должна въ совершенствѣ списывать природу. Истина была мѣриломъ ихъ поэтическаго достоинства. Сей родъ былъ преимущественно обрабатываемъ между Романистами — Миллеромъ, напр. въ его Зигфридъ фонъ Линденбергъ, а между Драмапиками — Ифландомъ. Высочайшую степень въ ономъ достигъ Гёте, преимущественно въ Верперѣ въ Вильгельмѣ Мейсперѣ и въ Сродспвахъ Избирабельныхъ, хотя сіи шворенія только отчасти принадлежатъ къ роду психологическому, и по существеннымъ качествамъ своимъ должны быть причислены къ сенпиментальному. Въ позднѣйшія времена занимались психологическими изложеніями въ особенности женщины, между тѣмъ какъ мужчины обратились къ историческому Роману по образцу Вальтера Скоппа: но сіи дамскіе Романы, такъ же какъ Романы Гёте, съ которыхъ они сѣплы, суть болѣе сенпиментальныя, чѣмъ психологическія.

Къ психологическимъ изображеніямъ въ поэтическомъ облаченіи присоединились полннческія, педагогическія, философическія и проч. Въ мѣншія, сдѣлавшіяся гласными въ наше время, были перебраны на сценѣ или въ Романахъ. Въ роды дидактики заимствовали поэтическую одежду, для того, чпобъ вѣрнѣе найти доступъ.

(Продолженіе впередъ)

III.

Н О В А Я И С Т О Р І Я .

Штурмъ Праги, $\frac{24 \text{ Октября}}{4 \text{ Ноября}}$ 1794 года.

(Продолженіе.)

Самъ Суворовъ поѣхалъ на высоту, въ верстѣ отъ наружныхъ укрѣпленій, откуда лучше могъ все видѣть и всѣмъ распоряжатъ. Едва прибылъ онъ на мѣсто, какъ офицеръ, посланный Генераломъ Графомъ Шверинномъ, привезъ ему извѣстіе, что Прусскія войска не могутъ содѣйствовать нападенію на Варшаву по причинѣ продолженія безпокойствъ

въ южныхъ провинціяхъ. Суворовъ, чувствуя свою силу — твердо и холодно просилъ офицера опанаться при немъ, чшобы попомъ опдашь опченъ въ томъ, что увидишь.

Первыя двѣ колонны на быспромъ при-спушь своемъ встрѣчены были ужаснымъ огнемъ; онѣ попали подъ испребищельный перекресный огонь съ башпарей на укрѣпленіяхъ, на висопахъ города и на небольшомъ оспрову Вислы; но сіи колонны, равно какъ и поставленный между ними Тульскій полкъ, съ неуспрашимымъ Командиромъ своимъ Полковникомъ Ливеномъ (нынѣ Его Свѣшлость Генераль опъ Инфантеріи, Минспиръ Народнаго Просвѣщенія Князь Карлъ Андреевичъ Ливень), скоро и непоколебимо шли впередъ, неуспрашимо перешли чрезъ ровъ, и взобрались на валъ. Здѣсь встрѣпили они упорнѣйшее сопропивленіе: тамъ были отборныя непріятельскія войска, и съ ними Ясинскій. Вскорѣ валъ и башпарей покрылись прупами Поляковъ. Ясинскій, помня послѣднія свои слова, защищался опчаянно съ саблею въ рукахъ, и получилъ смертельный ударъ, котораго ожидалъ. Русскіе безпреспанно подвигались впередъ. Но за укрѣпленіями ожидалъ ихъ сильный опрядъ Польской кавадеріи; они немедленно принимають ее въ щычки, и въ то же время Полковникъ Засъ

приводить, на помощь пѣхотѣ, чрезъ ровъ и валъ, два эскадрона Кіевскаго легко-коннаго полка. Тогда Поляки обратились въ бѣгство къ Прагѣ; Русскіе штыками преслѣдовали ихъ изъ улицы въ улицу. Храбрый Ласки, ободря солдатъ, былъ раненъ пулею въ плечо, и передалъ команду Полковнику Фанаторійскаго полка Жеребцову, который повелъ колонну къ мосту, опрокидывая все на пупи. Полякамъ опрѣзанъ пупъ къ бѣгству; нѣкоторые пыпались спаслись вплавъ, но немногимъ удалось это; 2000 человекъ съ двумя Генералами положили оружіе; сполько же легло на мѣстѣ.

Третьей и четвертой колоннамъ предстояли еще большія трудности. Перешедъ чрезъ нѣсколько холмовъ, на коихъ глубокой песокъ чрезвычайно изнурялъ людей, и даже нѣкоторыхъ заставилъ бросить плетень и фашины, онѣ наконецъ дошли до волчьихъ ямъ, коихъ шесть рядовъ слѣдовали одинъ за другимъ. Съ помощію лѣспницъ перебрались онѣ чрезъ ямы, и взлѣзли на валъ. Третья колонна, подъ командою неустрашимаго Исленьева, овладѣла двумя шанцами и хотѣла атаковать слѣдующія за оными укрѣпленія, какъ увидѣла на флангъ своемъ Польскую кавалерію. Съ величайшею рѣшительностію два фланговые баталіона обратили кавалерію

Фронпъ, и шпыками принудили ее бѣжать, между тѣмъ, какъ передніе баталіоны приступали къ окопу, не смотря на сильное сопротивленіе. Резервъ сей колонны шелъ за нею, все въ одномъ разстояніи, не давалъ неприятелю сбираться, и когда колонна взшла на внѣшній валъ, онъ уравнилъ дорогу для конницы.

Четвертой колоннѣ дана была самая трудная задача; но Суворовъ былъ спокоенъ: самъ былъ храбрый Буксгевденъ. Сія колонна должна была атаковать выдающійся уголъ, ошъ котораго окопъ загибался вправо; на семъ пунктѣ надобно было овладѣть крѣпчайшими мѣстами, сперва наружнымъ укрѣпленіемъ, потомъ рядомъ палисадовъ, за оными валомъ и находящимся на ономъ каменнымъ кавальеромъ; за валомъ простирался длинный звѣринецъ съ засѣками. Когда наружныя укрѣпленія, палисады, валъ и кавальеръ были взяты, срублены и перейдены, колонна раздѣлилась предъ звѣринцемъ; половина оной обратилась влѣво, нигдѣ не давала неприятелю опомниться, и взяла еще пять баттарей. Ужасно свирѣпствовали здѣсь Русскіе шпыки. Поляки въ ужасѣ и опчаяніи бросились въ звѣринецъ, и надѣялись удержаться за часпоколъ и засѣками. Тщешная надежда! Русскіе бросались чрезъ часпоколъ и чрезъ рвы,

пробились чрезъ засыпки, и наполнили звѣринецъ непріятельскими прупами. Поляки, спѣшенные въ средину парка, еще защищались; но другая половина колонны, которая справа обошла звѣринецъ, напала на нихъ съ тылу, и тогда они почти все до одного легли на мѣстѣ, между прочимъ и полкъ Евреевъ, который, прошивъ всякаго чаянія, сражался съ большою храброспiю: ему пѣтъ менѣе оказано пощады, что солдаты видѣли въ немъ не только непріятелей, но еще и Жидовъ. Только одинъ изъ нихъ остался живъ — Полковникъ Гишко, который очень благоразумно оспавался въ Варшавѣ. На семь пунктовъ взяты въ плѣнь Генераль Геслеръ съ двадцатью офицерами.

Когда объ колонны, по одолѣніи упорнѣйшаго сопротивленія, шли къ валу, окружающему Прагу, взорвало подкопъ, который забросалъ ихъ бомбами. Ни мало не устращаясь симъ, солдаты шли впередъ, взошли на валъ, заняли оный, и часъ колоннъ проникла въ улицы, къ мосту, къ которому направлялись все колонны.

Одна изъ первыхъ перешла за укрѣпленія япная колонна, подъ командою Тормасова, и вскорѣ за нею шестая, Генерала Рахманова; сопротивленіе ли было здѣсь слабѣе, или жажда меспи болѣе возбуждала ихъ ревность, но

довольно того, что ожесточенные войны безосновочно сшибли къ Прагъ, которая вскорѣ должна была почувствовать ихъ мщеніе. Сія двѣ колонны подошли къ мосту почти въ одно время съ первою колонною, и опрѣзали бѣгущимъ всякій путь къ спасенію.

Самая дальняя дорога и большія препятствія предстояли седьмой колоннѣ; для того она двинулась двумя часами ранѣе. Она должна была пройти восемь верстъ окольною дорогою чрезъ Саспозъ, чтобы обойти болото, въ которое упиралась линія укрѣпленій, и потомъ идти внизъ по берегу Вислы, чрезъ лѣсъ, на башпарец, который съ сей стороны защищали Прагу. Она достигла наконецъ гати, ведущей чрезъ сіе низкое мѣсто, шпыками очистила себѣ дорогу по оной, взяла при башпарецѣ, и отбросила къ рѣкѣ непріятельскую конницу, которая хотѣла основать ее; около 1000 человекъ непріятелей погнуло, 500 взяли въ плѣнъ.

И кавалерія способствовала успѣху дѣла. Шевичъ, командовавшій оною, всюду обращалъ вниманіе. То казаки съ громкимъ крикомъ ура! дѣлали ложныя атаки, чтобы отвлечь непріятеля; то приказывалъ онъ рубить конныя шолпы, показывавшіяся изъ-за укрѣпленій; когда же окопы были взяты, Шевичъ повелъ впередъ всю кавалерію съ артиллерією

чрезъ проломы, наскоро сдѣланные въ валу, и еще даль ей средство содѣйствовать къ побѣдѣ нѣсколькими нападеніями на Польскую конницу.

Значительное пространство между вѣшними укрѣпленіями и предмѣстіемъ представляло спорное поле сраженія, на которомъ Поляки со всѣхъ сторонъ были атакуемы и поражаемы; они бились отчаянно въ глазахъ столицы, полагавшей на нихъ всю свою надежду. Наконецъ колонны, перейдя послѣднія укрѣпленія предъ Прагою, влѣзли въ сіе несчастное предмѣстіе, гдѣ началась ужасная сѣча. Башаіоны, сражавшіеся въ Варшавѣ во время бунта, и видѣвшіе умерщвление многихъ уже сдавшихся своихъ собратьевъ, собицли и другимъ свою жажду мести. „Братцы!“ кричали солдаты: „нѣтъ пощады: вспомните 6 Апрѣля, и не щадите измѣнниковъ!“

Прямодушный солдатъ не заботился о томъ, что заставило его противниковъ взять оружіе, если только они честнымъ образомъ сражаются, но считаетъ честною войною только ту, когда одинъ на друга идетъ явно: всякую иную почитаетъ онъ коварствомъ и измѣною. Поэтому - то было столь сильно ожесточеніе солдатъ противъ Поляковъ, которые, въ кровавые дни 6-го и 7-го Апрѣля, въ Варшавѣ внезапно нападали

изъ домовъ и изъ засадъ, и хладнокровно умерщвляя Русскихъ, просившихъ пощады, и между прочимъ перебили цѣлый полубаталіонъ, шедшій безъ оружія изъ церкви — это было въ Великій Четвертокъ. Наспалъ часъ воздаянія. „Нѣтъ пардону!“ слышно было со всѣхъ споронъ: не только вооруженные, но и беззащитныя жены и дѣти падали подъ ударами ожесточенныхъ побѣдителей.

Кровь лилась рѣками; страхъ и отчаяніе овладѣли всѣми; кто могъ, бѣжалъ къ Вислѣ. Пока мостъ былъ еще открытъ, спаслись чрезъ него многіе, между прочимъ и раненый Генералъ Заіончекъ, который имѣлъ главное начальство; но вскорѣ подошли Русскіе, и опрѣзали сей путь. Тогда замѣшательство достигло высочайшей степени. Безпрестанно являлись новыя толпы бѣгущихъ, съ шрепетомъ, блѣдные, въ смертельномъ ужасѣ; умоляя, простирали они руки на другую спорону рѣки — но опшуда не было помощи, и пушечные выстрѣлы приносили имъ смерть. Многіе бросались въ лодки, но онѣ понули или опрокидывались отъ излишняго груза; другіе пыпались спастись вплавъ — но широкая рѣка поглощала ихъ. Висла покрылась кровію убитыхъ, и волны ея перенесли въ вѣчность тысячи потонувшихъ. Вѣроломная столица видѣла это — и препенала.

Она видѣла, какъ взяты были укрѣщенія, какъ падали ея защитники, какъ приближалось сраженіе; она слышала жалобные вопли, крикъ и стоны пораженныхъ, передосившіеся изъ Праги; она видѣла жестокій бой, ярость побѣдителей, гибель и отчаяніе бѣгущихъ; она предчувствовала, что настала часъ суда за день 6-го Апрѣля — и содрогнулась, ожидая ежеминутно той же участи, которая постигла Прагу. Ужасъ и оцѣпенѣніе овладѣли всѣми; опасность, которая еще не касалась непосредственно самой столицы, тѣмъ живѣе представлялась ей во всей своей силѣ; каждый думалъ только о томъ, какъ бы спастись. Одни запирали и закладывали свои дома или прятались въ погреба, другіе искали убѣжища у иностранныхъ Посланниковъ — Англійскій принялъ къ себѣ болѣе тысячи чело­вѣкъ; — иные укрывались въ церквахъ, въ святыняхъ коихъ думали найти безопасность. Тамъ блѣдные священники просирились предъ алтарями, моля Бога брани о спасеніи; около нихъ толпились рыдающія жены и плачущія дѣви. Въ то же время не умолкалъ уны­мый, однообразный звонъ колоколовъ, коихъ каждый ударъ наводилъ ужасъ на оцѣпенѣвшіе умы. По улицамъ рыскала разъяренная чернь, пребуя убіенія всѣхъ плѣнныхъ. Между тѣмъ Русская артиллерія подходила все ближе и ближе;

уже нѣсколько выспрѣловъ долетали въ городъ, попадали въ дома и убивали людей; наконецъ она выпроилась на берегу Вислы, и осыпала городъ градомъ ядеръ и гранатъ; тогда опечаленіе сдѣлалось всеобщимъ; — свистъ ядеръ, прескъ лопающихся бомбъ, стонъ раненыхъ и умирающихъ, барабанный бой и унымый звукъ набата, шедшійся во всеобщемъ жалобномъ воплѣ, наполнили сердца неизъяснимымъ ужасомъ.

Верховный Совѣтъ былъ собранъ, и блѣдные Члены онаго въ недоумѣніи совѣщались о предстоящей гибели: вдругъ бомба упала въ залу собранія и убила докладывавшаго Секретаря: Члены въ ужасъ, какъ громомъ пораженные, разбѣжались — ударилъ послѣдній часъ ихъ правленія.

Суворовъ, коего взоры носились всюду, содрогнулся при мысли о страшномъ кровопролитіи, которое должно было послѣдовать, если бы ожесточенныя войска перешли чрезъ мостъ въ Варшаву. Онъ уже прежде запретилъ всходить на него; теперъ приказалъ онъ разрушить мостъ, чтобы совершенно прервать сообщеніе между обоими берегами. Онъ хотѣлъ навести ужасъ на Варшаву, но не разорилъ ее.

Мостъ вспыхнулъ — Варшава была спасена, но несчастную Прагу постигло новое

бѣдствіе. Опъ мосту загорѣлись ближайшіе дома, другіе зажжены выспрѣманн изъ города, и вскорѣ пожаръ разлился въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдругъ. Ужасъ царсповалъ во всѣхъ видахъ. Разъяренные побѣдители врывались въ дома, и нещадно кололи всѣхъ безъ различія. Будучи особенно раздражены пропивъ Жидовъ, коимъ, какъ презрѣнному народу, солдаты не могли проспитъ ихъ участвія въ революціи, они приносили ихъ въ жертву мести, не различая вооруженныхъ и безоружныхъ.

Вскорѣ представила Прага спрашное зрѣлище: смерть рыскала во всѣхъ видахъ; на всѣхъ улицахъ кипѣлъ бой, вездѣ груды мертвыхъ тѣлъ, взвивающееся пламя, обрушивающіеся дома и вопли, раздрающіе сердце. Неизгладимыми, кровавыми чертами записанъ день сей въ лѣтописяхъ столицы Польской.

Каждый честплюбецъ, чувспвующій себя въ искушеніи легкомысленно повергнувъ свое отечество опасности, да приведетъ себя на память сію картину! Пустъ онъ живо представитъ себя участь Праги и размыслитъ, что подобныя покушенія должны имѣть такіа же послѣдствія!

Безъ зрѣлаго размышленія предпринимають дѣло, коего успѣхъ почти невозможенъ, необдуманно опваживають спокойствіе, счастье,

благоденствіе своихъ согражданъ, чѣобы гоняться за невѣрною, мечпашельною цѣлью — это не любовь къ отечеству, а ненависть. Горе тому, кто возложитъ на себя бремя сего преступленія!

Между тѣмъ, какъ ужасъ господствовалъ въ Прагѣ, яркое солнце возшло на ясномъ небѣ, и освѣщило прекрасный осенній день — въ Прагѣ освѣщило оно только трупы и развалины.

Въ 9 часовъ утра кончились приступы и сраженіе, продолжавшіеся четыре часа; замѣшательство прекратилось, порядокъ восстановился: однимъ ударомъ погашено было пламя бунта.

Мало по малу все утихло; огонь спанился рѣже; въ полдень стрельба по городу прекратилась.

Болѣе 13,000 Поляковъ легло на мѣстѣ; въ числѣ семъ было 4000 человекъ Варшавскихъ вооруженныхъ жипелей; около 2000 упонули — только 800 спаслись по мостамъ въ Варшаву; болѣе 10,000 взято въ плѣнъ; изъ нихъ 8000 опущены немедленно, а остальные на другой день. Вся артиллерія, 104 пушки большаго калибра, досталась побѣдителямъ.

Въ числѣ плѣнныхъ находились Генералъ Майенъ, котораго и при Кобылкѣ спасла

только быспропа его лошади; старый Генералъ Геслеръ, который съ юношескимъ мужествомъ защищалъ большой звѣринецъ; Крунинскій и другіе. Убиты храбрый энтузіастъ Ясинскій (глубокая задумчивосінь и ненависть къ людямъ заспавляли его искапъ въ смерти спокойствія, котораго онъ не могъ найсти въ жизни); Генералъ Грабовскій, въ цвѣтъ лѣтъ своихъ, и Квашневскій, который плакалъ при извѣстіи о пораженіи Косцюшки, предчувствуя паденіе отечества.

Русскіе лишились 2000 человекъ убитыми и ранеными: потеря незначительная въ отношеніи къ великимъ послѣдствіямъ, коихъ достигли сею жертвою. Такимъ образомъ мужество ослабляетъ всякую потерю, и дѣлаетъ легкимъ то, что въ противномъ случаѣ кажется невозможнымъ.

Генералы, офицеры и солдаты, пѣхота и кавалерія, всѣ соперничествовали въ усердіи — воины, которые и прежде служили съ Суворовымъ, и тѣ, которые въ первый разъ сражались подъ его начальствомъ, побѣдители при Мацѣевичахъ, равно какъ и побѣдители Измаила и Бреста. „Недоспаешь словъ,“ доносилъ престарѣлый полководецъ: „на хвалу войскъ: они превзошли всѣ ожиданія — я никогда не видалъ побѣды блистательнѣе. Даже подъ Измаиломъ сдѣлано не болѣе.“

Всѣ подчиненные ему Генералы оправда-

ли свою прежнюю славу: Попемкинъ присуспвiемъ духа и неуспрашимостию, Дерфельденъ непреклонною твердостию; Ферзенъ къ Мацѣвицкому лавровому вѣнку присовокупилъ еще новый: онъ уже нѣсколько времени страдалъ отъ болѣзни, но минула опасность дама ему силы, и въ распоряженiяхъ своихъ явилъ онъ искуснаго Генерала, а въ предводительствѣ храбраго воина.

Не менѣе отличились и прочiе Генералы. Исленьевъ, въ головѣ своей колонны, не перялъ присуспвiя духа и отъ самыхъ неожиданныхъ случаевъ; Ласси, Измаильскiй герой, и здѣсь, какъ подъ Измаиломъ, подавалъ собою примѣръ, и кровiю запечатлѣлъ побѣду. О Буксгевденѣ сказалъ Суворовъ: „онъ сражался съ обыкновенною своею храбростию; ему предстоили величайшия трудности, и онъ удовлетворилъ всѣмъ ожиданiямъ.“ Возлѣ него сражался 12-ти лѣтний сынъ его, достойный опца, и былъ раненъ (*). И прочiе Генералы явили опыты испытаннаго мужества. Изъ Полковниковъ особенно отличились: Князь Лобановъ-Рословскiй, начальствовавшiй вѣпорую колонною — онъ оказалъ себя тѣмъ же, какъ и подъ Измаиломъ; Ливенъ, который къ славу

(*) По представленiю Суворова, храбрый опрокъ произведенъ въ Корнеты Лейбъ-Гвардiи Коннаго полка.

блистательной храбрости присоединилъ еще другую, прекраснѣйшую — славу челоѡколюбія, и ревностно старался о прекращеніи кровопролитія; Шаховской, лишившійся руки подъ Измаиломъ, здѣсь взялъ съ Херсонскими гренадерами пять баштарей; наконецъ Чичеринъ, съ пятью спѣшенными эскадронами драгунъ оказавшій необыкновенные опыты личной храбрости, и взявшій нѣсколько баштарей и 800 плѣнныхъ.

Въ семь же дѣлъ въ первый разъ услышали имена, которыхъ послѣ споль часто должны были повторяться: имя Каменскаго (младшаго), Ермолова, Раевскаго, Баграціона, которые всѣ были еще въ небольшихъ чинахъ.

При штурмѣ находились также многіе именитые волонтеры, какъ напр., въ первой колоннѣ Князь Барятинскій, Графъ Шуваловъ и при Князя Голицына; въ прешней Графъ Цукаго и Оберъ-Кварцмейстеръ Клейстъ, получившій 15 ранъ; наконецъ въ четвершой Полковникъ Кенсона и Маіоръ Графъ Шуазель-Гуфье, сынъ знаменитаго путешественника. Всѣ они находились впереди колоннъ, и были изъ первыхъ, вошедшихъ на окопы.

Впрочемъ здѣсь, при равной опасности, не было споль богатой добычи, какъ въ Измаилѣ: въ Прагѣ не было складочныхъ мѣстъ товаровъ, ни богатыхъ Турокъ, съ серебромъ и золотомъ на оружіи и на одеждахъ;

бѣдное жидовское предмѣстіе заключало въ себѣ мало сокровищъ, да и изъ нихъ драгоценнѣйшее заблаговременно было увезено въ Варшаву. Но дѣло шло не о добычѣ, и здѣсь послѣдствія были важнѣе. Прага пала, какъ и Измаилъ; но подъ окопами ея погребена независимость Польши.

Поляки дѣйствительно думали, что будетъ начата правильная осада, которую, по причинѣ приближенія зимы, вскорѣ бы надобно было снять. Въ ночи предъ штурмомъ они еще привезли изъ Варшавы въ Прагу 36 пушекъ, и оставили въ городѣ на берегу только 30; но сіи - то оспальныя шеперь и причинили Русскимъ наиболѣе вреда.

Можетъ быть, спросятъ: какъ могло статься, что Поляки, за столь крѣпкими окопами, одушевленные ревностію и любовію къ отечеству, побѣждены были столь скоро, и войскомъ, которое было малочисленнѣе ихъ? развѣ они не упорно, не храбро защищались? развѣ имъ недоставало мужества? Нѣтъ — они сражались ревностно, мужественно, храбро; ни одинъ измѣнникъ не обезчестилъ знаменъ ихъ: но войску Суворовскому, военачальнику такому, какъ онъ, и другіе не могли бы прошившись. Быть побѣжденными непобѣдимымъ не стыдно. Войско, лишенное мужества, побѣжденное въ столь многихъ сраженіяхъ, и привыкнувшее уже видѣть

своихъ побѣдителей въ шѣхъ, съ кѣмъ сражалось, могло ли остановить воиновъ, коимъ не смѣли противостоятъ 40,000 Турокъ за высокими стѣнами Измаила, и копорые послѣ споль блистательно доказали свое грозное могущество надъ побѣдителями Ипаліи?

Никто охотно не признаетъ себя побѣжденнымъ чуждою физическою или нравственною силою; чпобы успокоить свое самолюбіе, всякъ ищетъ постороннихъ причинъ. Такъ и Поляки утверждали, что не сполько превосходство ума и характера Суворова, сколько опличное мужество его войска вырвало у нихъ побѣду. Не въ состояніи будучи опровергнуть того, что они всюду были разбиты, они сложили вину на превосходство силъ, и Историки неразборчивые слѣпо повсоряли за ними то же. Но, какъ мы видѣли, превосходство числа по большей части было на споронѣ Поляковъ, и сполько нравственное было на споронѣ Русскихъ: но первое всегда уступаетъ последнему. Рѣшается не толпа, но духъ, копорый ее оживляетъ — и малочисленный опрядъ, пвердо рѣшившійся побѣдить или умереть, всегда преодолеваетъ большую толпу, копорая, не имѣя той рѣшимости, впайнѣ допускаетъ надежду на спасеніе жизни.

(Окончаніе впредь.)

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф Р А Н Ц І Я.

Въ Парижѣ произошли важные безпорядки, 14-го Февраля, по поводу отправленія паннихиды по Герцогу Беррійскому въ церкви Сень-Жерменъ и Оксерроа; сей обрядъ имѣлъ, по видимому, не столько религіозную, сколько политическую цѣль. Отрядъ Народной Гвардіи вошелъ въ церковь, и прекратилъ службу. Между тѣмъ около церкви собралась толпа раздраженнаго народа, вошла въ церковь, вынесла изъ оной всю церковную утварь и отнесла въ Луврскій дворецъ. Другая толпа бросилась къ дому Архіепископа Парижскаго, все въ немъ поломала или побросала въ рѣку, и даже начала ломать кровлю и трубы. Народная Гвардія успѣла прекратить сіи безпорядки, и спасла также отъ сожженія Редакцію Газеты Quotidienne, которую хотѣли поджечь, что навело было большой страхъ, по причинѣ близости Банка. — 15-го числа также нѣкоторыя толпы народа нападали на караулы Народной Гвардіи, и успѣвали обезоруживать оныя; но потомъ большое число силъ нарушителей общественнаго спокойствія были захвачены. И на шюрьму сдѣлано было нападеніе, для освобожденія заключенныхъ, но безъ

успѣха. — Въ слѣдствіе происшествія въ церкви Сенъ - Жерменъ взяты подъ стражу бывшій Церъ Франціи Баронъ Випромль, бывшій Депулашъ Виконшъ Конни, Священникъ оной церкви и многіе другіе. У нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены ругательныя сочиненія и переписка. Архіепископъ Парижскій также позванъ къ суду. — 17-го числа, отъ пяти до шести сошъ человекъ отправилсь въ Монружъ, чтобы разрушить памошнюю Семинарію; они дѣйствительно успѣли сдѣлать въ зданіи значительныя поврежденія. — Въ Бордо также существовалъ заговоръ Карлишовъ; но оный былъ открытъ, и нарушеніе спокойствія предупреждено заблаговременно принятыми мѣрами.

Королевскимъ повелѣніемъ 16-го числа переѣнена Государственна печатъ; впродъ будещъ изображашься на ней окрышалъ книга съ сими словами: Хартія 1830 года, надъ нею закрытъся корона, скипетръ и держава; надпись будещъ: Лудовикъ Филиппъ I, Король Французовъ.

Король повелѣлъ снятъ лиліи вездѣ, гдѣ только можно сдѣлать сіе безъ поврежденія общественныхъ памятникъ.

А н г л и я.

По поводу предложенія Нижней Палатѣ, въ засѣданіи 11-го Февраля, расписанія доходовъ и расходовъ, Канцлеръ Казначейства вошелъ въ нѣкоторыя объясненія, изъ коихъ извлекаемъ слѣдующее. Для сбереженія расходовъ предполагается

уничтожить 210 мѣстъ и должностей. Налоги, кошорые Канцлеръ предлагаетъ уменьшитъ, суть слѣдующіе: на табакъ, на газеты и печатаемые въ оныхъ объявленія, на каменное уголье; налоги, предполагаемые къ уничтоженію, суть: на сало и сальныя свѣчи, на набивныя матеріи, на стекло, и еще 163 рода налоговъ, кои вмѣстѣ не даютъ болѣе 200,000 ф. ст. въ годъ; всего же уменьшенія налоговъ предполагается на 4,080,000 ф. ст.; для замѣна сей суммы Канцлеръ Казначейства предлагаетъ уравнишь пошлины на вина, изъ разныхъ странъ привозимыя, возвыситъ пошлину на строевой лѣсъ, обложитъ хлопчатую бумагу, уравнишь пошлину на каменное уголье, и наложитъ новую на путешественниковъ на пароходахъ. Онъ также предлагалъ налогъ на переводъ государственныхъ облигацій; но сія мѣра встрѣтила сильное противорѣчіе, и въ засѣданіи 14-го числа, Канцлеръ объявилъ, что опмѣняетъ сіе предложеніе, но въ замѣнъ долженъ опять принять въ распісаніе доходовъ налоги на табакъ и на стекло. Сія опмѣна принята была въ городѣ со всеобщимъ удовольствіемъ.

Процессъ Г-на Оконнеля будетъ произведенъ со всею строгостію. Правительство не намѣрено входить съ нимъ ни въ какія соглашенія, и съ негодованіемъ опвергло всѣ его предложенія. Г-нъ Оконнель прибылъ въ Лондонъ, и уже присуществовалъ въ Нижней Палатѣ.

Въ Дублинѣ было, 13-го Февраля, собраніе для сочиненія просьбы въ Парламентъ объ опдѣ-

деніи Ирландіи; она будетъ подана Г-мъ Гуинтомъ, и защищаема Оконнелемъ.

И т а л і я.

Революція, обнаружившаяся въ Моденѣ 3-го Февраля, имѣла связь съ заговоромъ въ Римской области; бунтъ вспыхнулъ 4-го числа въ Болоньѣ, а 7 въ Феррарѣ; Пролетары Папы удалились въ Римъ, и въ обоихъ городахъ учредились Временныя Правительства. Въ Болоньѣ немедленно начала образоваться Народная стража. Въ Форли, Фазенцѣ, Чезенѣ, также возникло возмущеніе. По извѣстіямъ отъ 11-го Февраля, въ Миланѣ, Піаченцѣ и Пармѣ все было спокойно. Правительство въ Болоньѣ, которое хочетъ присоединить къ себѣ Модену и Реджію, приняло названіе Импаліианской Конфедераціи. Оно назначило Комитетъ изъ трехъ членовъ для начальства надъ войскомъ. — Въ Римини и Спизгадіи также произошли безпорядки. — Въ Имольѣ, Фазенцѣ и Римини образовалось равномурио Правительство подъ названіемъ Импаліианской Конфедераціи. — Въ Моденѣ составилось Временное Правительство изъ одного Диктатора и трехъ Консуловъ. — Великій Герцогъ Тосканскій повелѣлъ возстановить гражданскую стражу, которая должна замѣнить войско въ случаѣ нужды.

Торжественный обрядъ помазанія и коронованія Папы Григорія XVI совершенъ, 6-го Февраля, въ соборѣ Св. Петра. 12-го Февраля былъ въ Римѣ незначительный бунтъ; малое число мятежниковъ

напали на главный постъ въ городъ, но были разсѣяны, и нѣкоторые изъ нихъ захвачены; всѣ увеселенія Карнавала запрещены, и повелѣно сдѣлать новый наборъ 1400 человекъ для усиленія гражданской стражи.

Австрійскія войска въ Ломбардиі будутъ усилены 30,000 человекъ, которыми Генералъ Фримонъ можетъ располагать по благоусмотрѣнiю своему и по требованiю разныхъ Государей Испанiи, для воспламененiя нарушеннаго порядка.

Н и д е р л а н д ы.

Въ послѣднихъ засѣданiяхъ своихъ, Бельгiйскiй Конгрессъ занимался разсмотрѣнiемъ проекта закона о выборахъ. Въ засѣданiи 19-го числа, читано донесенiе Центральнаго Отдѣленiя о предложенiи Г-на Лебо касательно назначенiя Намѣстника; Отдѣленiе съ своей стороны предлагаетъ назначить Регента Королевства, съ Тайнымъ Совѣтомъ изъ пяти Членовъ, и объявить Конспирующiю дѣйствительною со дня вступленiя Регента въ должность. Въ семъ же засѣданiи принято предложенiе Г-на Брукера о назначенiи числа Денушатовъ и Сенаторовъ; первыхъ положено 102, а вторыхъ 51; избранiе ихъ расписано по провинциямъ и округамъ. Въ засѣданiи 22 числа, читано письмо Г-на Сюрле де Шокье изъ Парижа, въ коемъ онъ даетъ отчетъ о торжественной аудiенциі у Короля и рѣшительномъ отказѣ его

ошъ короны; чинаны также рѣчи Бельгійской Депутаціи у Короля Французовъ.

Большая часть Членовъ Депутаціи, посланной въ Парижъ, уже возвратилась въ Брюссель.

Уполномоченные въ Лондонъ отправляли въ окрестности Масприхта двухъ Коммисаровъ, Г-дъ Аберкромби и Рейша, чтобы удостовѣриться въ точномъ соблюденіи перемирія. Въ Брюссель получено извѣстіе о ихъ обратномъ отъѣздѣ, и о томъ, что Бельгійскія войска ихъ посѣщенія не перемѣнили позицій.

Изъ депешъ Генерала Диббетса изъ Масприхта, отъ 18-го Февраля, явствуетъ, что Бельгійцы снова намѣрены обложить сію крѣпость; только почта съ письмами пропускается, а подвозъ съѣстныхъ припасовъ отрѣзанъ.

Въ Антверпенѣ собирается значительный корпусъ войскъ, и укрѣпленія снова приводятся въ оборонительное положеніе.

Въ Брюссель составилось, подъ предсѣдательствомъ Г. Поштера, Общество, имѣющее цѣлю упрочить народную независимость и неопытность исключенія Нассаускаго Дома, и для достиженія сей сугубой цѣли, ввести республиканскую форму и заставивъ избрать Регенша изъ плузмцевъ на опредѣленное время. Общество сіе имѣло 17-го числа собраніе, въ которомъ положено написать изложеніе республиканской системы,

съ замѣчаніемъ, что для введенія сей формы правленія нужно сдѣлать только немногія перемены въ Конституціи; вмѣстѣ съ тѣмъ положено циркуляромъ пригласить гражданскую спражувовсей Бельгіи содѣйствовать видамъ Общества.

Р а з н ы я п р о в ь с т і я .

Въ Берлинѣ обнародовано Королевское повелѣніе отъ 6-го Февраля, коимъ всѣ Прусскіе подданные, находящіеся въ Польшѣ, вызываются опшуда, если не могутъ представить законныхъ причинъ своего тамъ пребыванія, подъ опасеніемъ быть почтаемыми и наказанными, какъ измѣнники отечеству; они подвергнутся конфискаціи имуществъ, и кромѣ того военныя наказанію дезертировъ, а прочіе шюремному заточенію отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ.

Его Кор. Выс. Герцогъ Камбриджскій наименованъ Вице-Королемъ Ганноверскимъ.

Англійскій Посоль въ Константинополь, Сиръ Р. Гордонъ, давалъ, 25 Января, великолѣпный балъ, на кошоромъ были Сераскиръ, Капшанъ-Паша, Рейсъ-Эффенди, и другіе знатные сановники. Музыканты гвардейскаго полка Сулшана, изъ молодыхъ Турокъ, играли марши и всѣ танцы очень хорошо, къ удивленію Европейцевъ. Турецкіе офицеры отличались щегольскимъ нарядомъ и ловкимъ обращеніемъ; многіе изъ нихъ танцовали. — Въ Константинополь необычно-

венная засуха, отъ которой изсякли источники; оной приписываютъ господствующія въ сей столицѣ болѣзни, какова скарлатина.

Болivarъ умеръ 17-го Декабря въ Сан-Пьетро, недалеко отъ Санта-Марты, на 48 году отъ роду; онъ родился 25 Юля 1783. Онъ не оставилъ ни долговъ, ни имущества, хотя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ въ распоряженіи своемъ доходы Колумбіи, Перу и Бولیвіи — Генералъ Пазъ признанъ девятью внутренними областями Лапласы верховнымъ военнымъ начальникомъ.

Февраля 27.

(Изъ заграничныхъ Журналовъ.)